

8(с)р

Б.43.

Р33669

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

О КРЫЛОВЕ

Огиз Гослитиздат

1944

22

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

О КРЫЛОВЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Б99С2

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1944

8(c)P
B-43 + 92 Курсы лек

Составила
К. М. МАЛЫШЕВА

Вступительная статья
А. ЛАВРЕЦКОГО

КРЫЛОВ В ОЦЕНКЕ БЕЛИНСКОГО

С самого начала до конца своей деятельности Белинский писал о Крылове как о великом русском баснописце. Если оценки других писателей изменялись у критика в зависимости от сдвигов в его общем мировоззрении и в эстетической теории, то оценка баснописца остается одинаково высокой на всем протяжении творческого пути Белинского. Постоянный мотив этой оценки — признание подлинной народности Крылова, противопоставляемой всяческим подделкам под народность.

В статье «Русская литература в 1844 году» Белинский говорит о мнимой народности некоторых поэтов-славянофилов, а месяц спустя, в статье «Иван Андреевич Крылов», он пишет о безыскусственной, органической народности крыловской басни. Обращение к Крылову в столь важном в спорах со славянофилами вопросе здесь не случайно, а имеет характер своего рода апелляции. Это убедительно доказывает начало статьи, где критик, возвращаясь к притязаниям славянофилов на самобытность, пародирует поэтов этого направления.

Народность Крылова в смысле национальной самобытности была для критика залогом непреходящего значения баснописца: «Литература непременно должна быть народной, если хочет быть прочною и вечною». А Крылов, по мнению Белинского, «первый внес в литературу русскую элемент народности». Вот почему значение Крылова далеко выходит за пределы того жанра, мастером которого он был.

В последней статье Белинского «Взгляд на русскую литературу в 1847 году» оценка, данная еще в «Литературных мечтаниях», получает своеобразное завершение. Белинский рассматривает Крылова уже как предшественника гоголевского критического реализма. Так надо понимать слова о «натурализме» Крылова. Устанавливая художественную традицию Гоголя и его последователей — «натуральной школы», давая ей в этой статье историческое обоснование, Белинский не может не указать на Крылова. Он первый «подвергся упрекам в изображении «низкой природы», — тем самым упрекам, которые направлены против Гоголя и его реализма со стороны враждебной им критики.

Народность, в оценках Белинского, неразрывно связана с признанием реализма творчества Крылова. Литература самобытна, поскольку близка жизни своего народа, поскольку реалистична, — это глубокое убеждение критика было многократно проверено им на произведениях Крылова.

Пристальное изучение творчества Крылова было важно для Белинского и еще в одном отношении: оно углубило и расширило его представление о басне как литературном жанре.

В течение долгого времени Белинский признавал значение Крылова как бы вопреки тому жанру, крупнейшим представителем которого он был в русской литературе. «Басня есть поэзия рассудка», писал Белинский, и как таковая она не могла не расцениваться им довольно низко. Мнение это было весьма устойчиво. Еще в первой

статье о Пушкине мы читаем: «Басня, как род поэзии, довольно ложный род». Однако, указывал Белинский, «чем бы ни была басня, но Лафонтен и Крылов по справедливости составляют славу и гордость своих отечественных литератур». Составляют потому, что их творчество преодолело ограниченность жанра. Несмотря на нее, Крылов выразил, как никто, определенную сторону своей национальности: русскую смешиленость, русскую иронию. И хотя Белинский временами противоречил этому взгляду на басню (см., например, рецензию 1840 г. или статью «Разделение поэзии на роды и виды», написанную в 1841 г.), но тем не менее басня все же оставалась для Белинского еще в первой половине 40-х годов «ложным родом», как, в более широком смысле, и сатира. Когда сатира перестала быть для Белинского «ложным родом» и под именем «юмора» была признана им, поскольку являлась сатирой социальной, то получила права поэтического гражданства и басня.

В статье Белинского 1845 года Крылов выступает перед нами как баснописец, давший образцы социальной сатиры до Грибоедова и Гоголя. Уточняя свое понятие о басне, Белинский пишет: «Басня, как нравоучительный род поэзии, в наше время — действительно ложный род... Но басня, как сатира, есть истинный род поэзии».

Изменение взгляда на басню стоит в связи с углублением революционного воззрения Белинского на художественное творчество как на одну из движущих сил общественной жизни.

Тогда критик мог так же верно определить место Крылова в истории русской литературы. Оно теперь для Белинского уже не среди деятелей «карамзинского периода», как раньше, хотя хронологически творчество Крылова в значительной мере и совпадает с ним. По своему социальному содержанию басни Крылова выдвигаются в один ряд с произведениями Грибоедова и Пушкина.

Глубоко убедительно сопоставление крыловской басни

с комедией Грибоедова. Сопоставление это расширялось и углублялось. Еще в рецензии 1840 г. читаем: «Язык басен Крылова есть прототип языка «Горе от ума» Грибоедова,— и можно думать, что если бы Крылов явился в наше время, он был бы творцом русской комедии...» В восьмой статье о Пушкине Белинский заметил, что «не будь Крылова... стих Грибоедова... не шагнул бы так страшно далеко». В статье «Иван Андреевич Крылов» речь идет уже не только о языке и стихе, но и о сатирическом изображении крепостнической действительности. Ссылаясь на басню «Крестьянин и овца» в подтверждение своей мысли, Белинский правомерно заключает: «В ней нет никакой морали, никакого нравоучения, никакой сентенции: это просто поэтическая картина одной из сторон общества». Критик раскрывает здесь общественное содержание крыловской басни, утверждая ее как сатирический жанр.

Вместе с уяснением социального смысла крыловской басни в последних высказываниях о ней Белинского выявляется новая сторона основного для данной темы момента: народности Крылова. Сейчас народность получает определенное социальное звучание. Сравнение Крылова с таким его предшественником, как Дмитриев, становится противопоставлением не только самобытности и подражательности, но и противопоставлением близости Крылова к преобладающей части нации — ее трудовым слоям — аристократической отчужденности от них Дмитриева.

Небольшие по объему статьи Белинского о Крылове, как и высказывания критика о нем в других статьях о русской литературе, являются вехами для изучения Крылова. Взятые в совокупности, они образуют характерную для великого критика живую концепцию, которая, сохраняя неизменной оценку творчества художника, все время уточняется, углубляется, обогащается. В этой концепции отразилось непрестанное и неустанное движение мысли ее автора.

Понимание народности Крылова во всем значении ее смысла, определение на основе его творчества басни как жанра, указание места Крылова в истории русской литературы — все это составляет непреходящую ценность статей и высказываний Белинского о великом русском писателе-баснописце¹.

А. ЛАВРЕЦКИЙ

¹ В книгу включены статьи Белинского о Крылове, а также высказывания критика о нем в других статьях.

СТАТЬИ О КРЫЛОВЕ

БАСНИ ИВАНА КРЫЛОВА. В восьми книгах.
Сороковая тысяча. Санктпетербург. В типо-
графии Л. А. Плюшара. 1840. В 8-ю д. л.
300 стр.

Басне особенно посчастливилось на святой Руси. Отец русской литературы, сам Ломоносов, низошел с своего лирико-эпико-драматического *котурна* (прозаически называемого теперь *ходулями*), чтобы написать басенку «Волк в пастушьей одежде». Плодовитая и досужая бездарность Сумарокова паводила современную ему литературу уродливыми «притчами». Наконец явился талантливый Хемницер и написал своего превосходного «Метафизика», который и доныне и всегда будет превосходен, как ловко написанная эпиграмма; но мы не знаем, можно ли одною эпиграммою, хотя бы и отличною, составить себе бессмертие. Кроме «Метафизика», Хемницер написал еще басни две или три, отличающиеся хорошим, по-тогдашнему, языком и какою-то наивною игривостию ума; потом сочинил еще басни две или три, примечательные теми же достоинствами, но уже с грехом пополам; потом еще десятка два или три басен, в которых, кроме дурного языка и отсутствия таланта, ничего не имеется. Недавно Хемницер как-то попал в моду, его стали издавать в Москве и в Петербурге. Разумеется, порядочных изданий было по одному в обеих столицах, и потом

вышло еще несколько площадных, на оберточной бумаге, с лубочными картинками, из типографий гг. Кузнецова и Кирилова. Не помним, к которому из них, впрочем, кажется, к обоим, старые и почтенные литераторы приписали по предисловию, где изложили, кстати, биографию Хемницера и вообще рассуждали о нем с приличною важностью, словно о каком-нибудь Гомере или Шекспире. То же самое учинил другой кто-то в одном отставшем и мнениями и книжками журнале, поместив целую статью о Хемницере, которую, для пущей важности, назвал «критикою». Что делать?—у всякого свой герой: Гомер пел героя Ахиллеса, а Виргилий ханжу Энея. Но как бы то ни было, а Хемницер все-таки удержится в истории нашей литературы, и дети никогда не перестанут смеяться от его «Метафизика». Уж за одно то большая ему честь, что с него началась русская басня. Басни Дмитриева — искусственные цветы в нашей литературе. Эти растения явно пересажены с родной почвы на чужую и взращены в теплице. В них блистает салонный ум XVIII века; в них язык наш сделал значительный шаг вперед. Конечно, мы уже не можем восхищаться баснями Дмитриева, и даже никогда не чувствуем охоты перечитать их; но с ними связаны самые сладостные воспоминания о золотой поре нашего детства, и наши дети, пока будут детьми, не перестанут ими восхищаться. Некоторые забавники и теперь еще сказки Дмитриева ставят выше «Онегина» Пушкина, и мы уверены, что многие старики от души соглашались с этими забавниками. *Sunt cuique!*¹ Однакож басня все-таки многим обязана Дмитриеву. Потом писали басни В. Л. Пушкин, В. Измайлов, и некоторые из их басен не уступают в достоинстве басням Дмитриева. Но выше их обоих Александр Измайлов,

¹ Каждому свое. (Прим. ред.)

который заслуживает особенное внимание по своей оригинальности: тогда как первые подражали Хемницеру и Дмитриеву, он создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеич, сивуха, пиво, паюсная икра, лук, соленая севрюжина; место действия — изба, кабак и харчевня. Хотя многие из его басен возмущают эстетическое чувство своею тривиальностию, зато некоторые отличаются истинным талантом и пленяют какую-то мужиковатою оригинальностью. Таковы, например: «Священник и крестьянин», «Пьянюшкин, отставной квартальный», и пр. Но лучшее его произведение, доставившее ему особенную славу, есть «Павлушка-медный лоб». Граф Хвостов и Маздорф написали множество басен и с равным успехом. Последний печатал свои басни в «Вестнике Европы», а особо не издал. Много можно бы начесть и еще баснописцев, но мы забыли их имена, а справляться некогда, да и не нужно: и без того видно, что басня была некогда любимым родом поэзии и процветала на Руси преимущественно перед всеми родами поэзии.

Но истинным своим торжеством на святой Руси басня обязана Крылову. Он один у нас истинный и великий баснописец: все другие, даже самые талантливые, относятся к нему, как беллетристы к художнику. Кстати: может быть, многие спросят нас, что мы понимаем под словом «беллетристика»? Здесь не место объяснять это, и мы поневоле должны отложить объяснения по сему предмету до другого времени, а пока заметим только, что беллетристика относится к искусству, как статуйки для украшения каминов, столов, этажерок и окон, бюстики Шиллера, Гёте, Пушкина, Вольтера, Жан-Жака Руссо, Франклина, Тальйони, Фаши Элслер и проч. относятся к Аполлону Бельведерскому, Венере Медичейской и другим памятникам древнего резца;—

и как эстампы относятся к оригинальным картинам великих мастеров.

Басня есть поэзия рассудка. Она не требует глубокого вдохновения, которое производится внезапным проникновением в таинство абсолютной мысли; она требует того одушевления, которое так свойственно людям с тихою и спокойною натурою, с беспечным и в то же время наблюдательным характером, и которое бывает плодом природной веселости духа. Содержание басни составляет житейская, обиходная мудрость, уроки повседневной опытности в сфере семейного и общественного быта. Иногда басня прямо высказывает свою цель, но не холодным резонанством, не бездушными моральными сентенциями, а игривым оборотом, который обращается в пословицу, поговорку. Басня не есть аллегория и не должна быть ею, если она хорошая, поэтическая басня; но она должна быть маленькою повестью, драмою, с лицами и характерами, поэтически очернутыми. Самые олицетворения в басне должны быть живыми, поэтическими образами. Так, у Крылова, всякое животное имеет свой индивидуальный характер,—и проказница мартышка, участвует ли она в квартете, ворочает ли из трудолюбия чурбан, или примеривает очки, чтобы уметь читать книги; и лисица у него везде хитрая, уклончивая, бессовестная и больше похожая на человека, чем на лисицу с пушком на рыльце; и косолапый мишка везде — добродушно-честный, неповоротливо-сильный; лев — грозно-могучий, величественно-страшный. Столкновение этих существ у Крылова всегда образует маленькую драму, где каждое лицо существует само по себе и само для себя, а все вместе образуют собою одно общее и целое. Это еще с большею характерностию, более типически и художественно совершается в тех баснях, где героями — толстый откупщик, который не знает, куда ему деваться от

скуки с своими деньгами, и бедный, но довольный своею участью сапожник; повар-резонёр; недоученый философ, оставшийся без огурцов от излишней учёности; мужики-политики и пр. Тут уже настоящая комедия! А между тем, во всем явное преобладание рассудка и практического ума, которого поэзия в том и состоит, чтобы рассыпаться лучами остроумия, сверкать фейерверчным огнем шутки и насмешки. И, разумеется, во всем этом есть своя поэзия, как и во всяком непосредственном, образном передавании какой бы то ни было истины, хотя бы и практической. Самые поговорки и пословицы народные, в этом смысле, суть поэзия, или, лучше сказать,—начало, первый исходный пункт поэзии; а басня, в отношении к поговоркам и пословицам, есть высший род, высшая поэзия, или поэзия народных поговорок и пословиц, дошедшая до крайнего своего развития, дальше которого она идти не может.

Во времена псевдоклассицизма басню почитали одним из важнейших родов поэзии, и Лафонтена ставили ничуть не ниже Гомера. Из басен брали, в реториках и пиитиках, образцы низкого, среднего и высокого слога,—брали, вероятно, потому, что тогда верили существованию низкого, среднего и высокого слога. Теперь другое время. Однакож и теперь никто не сомневается, что басня есть поэтическое произведение, а баснописец — поэт, который местами даже может, так сказать, выходить из ограниченного характера басни и впадать в высшую поэзию, смотря по предметам своих изображений. Так, например, сколько идиллической поэзии в этом описании песни соловья:

Защолкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался,
То нежно он ослабевал,
И томной вдалеке свирелью отдавался,

То мелкой дробью вдруг по роице рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушке улыбался.

Или вот это описание бури, которым так поэтически замыкается басня «Дуб и Трость», и которое наши классики с такою гордостью выставляли в образец высокого слога:

Вдруг мчится с северных сторон,
И с градом, и с дождем, шумящий аквилон.
Дуб держится,— к земле тростиночка припала.
Бушует ветр, удвоил силы он,
Взревел,— и вырвал с корнем воп
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

В баснях Крылова можно найти еще и лучшие примеры поэтической силы и образности в выражениях.

Но басни Крылова, кроме поэзии, имеют еще другое достоинство, которое, вместе с первым, заставляет забыть, что они — басни, и делает его великим русским поэтом: мы говорим о народности его басен. Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, острою и добродушно-саркастическою насмешливостью;

с его природною верностию взгляда на предметы и способностию коротко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности — и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально-русских, непередаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, — что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении. О естественности, простоте и разговорной легкости его языка нечего и говорить. Язык басен Крылова есть прототип языка «Горя от ума» Грибоедова, — и можно думать, что если бы Крылов явился в наше время, он был бы творцом русской комедии и по количеству не меньше, а по качеству больше Скриба обогатил бы литературу превосходными произведениями в роде легкой комедии. Хотя он и брал содержание некоторых своих басен из Лафонтена, но переводчиком его назвать нельзя: его исключительно русская натура все перерабатывала в русские формы и все проводила через русский дух. Честь, слава и гордость нашей литературы, он имеет право сказать: «Я знаю Русь и Русь меня знает», хотя никогда не говорил и не говорит этого. В его духе выразилась сторона духа целого народа; в его жизни выразилась сторона жизни миллионов. И вот почему еще при жизни его выходит *сороковая тысяча* экземпляров его басен, и вот за что, со временем, каждое из многочисленных изданий его басен будет состоять из десятков тысяч экземпляров. Вот и причина, почему все другие описи, вначале пользовавшиеся не меньшею известностью, теперь забыты, а некоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не

умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского. Нет нужды говорить о великой важности басен Крылова для воспитания детей: дети бессознательно и непосредственно напитываются из них русским духом, овладевают русским языком и обогащаются прекрасными впечатлениями почти единственно доступной для них поэзии. Но Крылов поэт не для одних детей: с книгою его басен невольно забудется и взрослый и снова перечтет уж читанное им тысячу раз...

Теперь об издании *сороковой тысячи*. Оно опрятно и украшено портретом автора, виньеткою, прекрасно сделанными и двадцатью четыремя превосходными политипажами. Может быть, многим странно покажется, что из *трехсот семи* басен только к двадцати четырем приложены политипажи. Эти картинки взяты с великолепного *парижского* издания: оттого и лица на них и костюмы явно иностранные, а на некоторых заметите *вы* французские надписи, которые издатель не догадался стереть. Разумеется, что политипажи приложены только к тем басням, которых содержание или взято из басен Лафонтена, или сходно с ними; но *как-то* дико видеть при русских, при крыловских *баснях* эти *немецкие* лица и костюмы. А политипажи при баснях Лафонтена превосходны: не говоря уже о чудесной работе, какая прекрасная мысль — одеть животных в платья и сделать из них что-то среднее между мордою животного и лицом человеческим. Вот хоть этот толстый господин в сюртуке, с бычьею физиономиею и рогами, который так гордо смотрит на низенького франта во фраке с лягушечьею мордою, брюхом и тоненькими ножками; франт, закинув голову, надувается, чтобы сравняться в росте и дородности с толстым господином-быком! В изобретениях такого рода французский гений торжествует: никто лучше

33669

француза не сочинит карикатуры, виньетки, гротеска какого-нибудь; никто лучше француза не придаст этой безделке столько ума, грации, жизни. У нас есть и свои художники с дарованьем, и при этом мы невольно вспомнили об очерках г. Сапожникова к известному изданию басен Крылова in quarto: сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте! И что же?—Нашим художникам пока еще нечего делать: во-первых, у нас нет хороших гравировщиков, и мы по необходимости посылаем в Лондон собственные рисунки, а во-вторых, наша публика мало читает русские книги и еще меньше покупает их. К этому присоединяется излишняя доверчивость ко всему иностранному, излишняя недоверчивость ко всему русскому,—и, надо сказать, то и другое не всегда бывает без основания. У нас вообще никто еще не приучился хорошо делать и при средствах. Например, какие огромные средства даны были для издания Пушкина, и что же? Пушкин дурно напечатан, на оберточной бумаге, с страшными опечатками, с выпуском важных пьес (например, «Демона», «К Морфею»), с ложным размещением по родам; пущен по неимоверно высокой и нисколько несоответственной с безобразием издания цене, и притом без целой трети сочинений Пушкина, за которые надо платить новые деньги, и которых бог знает, когда дождется наша публика! Вот и еще новый и притом свежий пример сказанного нами — сороковая тысяча басен Крылова: бумага хорошая, печать тоже, портрет автора, виньетка, политипажи, хоть и чужие,—но цена умеренная (5 р. асс.): видно, что у издателя были средства и он не щадил их; но что за безвкусица!—поля узенькие, шрифт чересчур крупен — и что за аккуратность! — просмотрите басню «Скупой», и вы прочтете в конце 256 страницы следующие четыре стиха:

Так на прощанье, в знак приязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Так на прощанье, в знак приязни,
Мои сокровища принять не откажись!

Два стиха повторены! Боже мой! кому поручают
издатели смотрение за своими изданиями!..

1840

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА. В девяти книгах.
Санктпетербург. В тип. военно-учебных заве-
дений. 1843. В 8-ю д. л. 326 и VIII стр.

Изданиям басен И. А. Крылова потерян счет. Не-
сколько лет тому считалось однакож, что их издано
тридцать девять тысяч экземпляров. Таким успехом
не пользовался на Руси ни один писатель, кроме
Ивана Андреевича Крылова. И будет еще время,
когда его басни будут издаваться за один раз в
числе 40 000 экземпляров. Иван Андреевич Крылов
больше всех наших писателей кандидат на никем
еще не занятое на Руси место «народного поэта»;
он им сделается тотчас же, когда русский народ
весь сделается грамотным народом. Сверх того, Кры-
лов проложит и другим русским поэтам дорогу к
народности.

Говорить о достоинстве басен И. А. Крылова —
лишнее дело: в этом пункте сошлись мнения всех
грамотных людей в России. Было время, когда не
умели решить, кто выше — Хемницер или Крылов,
и было время, когда Дмитриева (И. И.), как басно-
писца, считали выше Крылова. Время это давно уже
прошло, и теперь, умея ценить по достоинству
Хемницера и Дмитриева, все знают, что Крылов
неизмеримо выше их обоих. Его басни — *русские*.

басни, а не переводы, не подражания. Это не значит, чтоб он никогда не переводил, например, из Лафонтена, и не подражал ему: это значит только, что он и в переводах и в подражаниях не мог и не умел не быть оригинальным и русским в высшей степени. Такая уж у него русская натура! Посмотрите, если прозвище «дедушки», которым так ловко окрестил его князь Вяземский в своем стихотворении, не делается народным именем Крылова во всей Руси!

Все басни Крылова прекрасны; но самые лучшие, по нашему мнению, заключаются в *седьмой* и *восьмой* книгах. Здесь он, очевидно, уклонился от прежнего пути, которого более или менее держался по преданию: здесь он имел в виду более взрослых людей, чем детей; здесь больше басен, в которых герои — люди, именно все православный люд; даже и звери в этих баснях как-то больше, чем бывало прежде, похожи на людей. В самом стихе ясно видно большое улучшение. Вот лучшие, по нашему мнению, басни в *седьмой* и *восьмой* книгах: *Совет Мышей, Мельник, Мот и Ласточка, Свинья под Дубом, Лисица и Осел, Муха и Пчела, Крестьянин и Овца* (едва ли не лучшая из всех басен Крылова), *Волк и Мышонок, Два Мужика, Две Собаки, Кошка и Соловей, Рыбы пляски, Прихожанин, Ворона, Лев состаревшийся, Белка, Щука, Кукушка и Орел, Бритвы, Бедный Богач, Булат, Купец, Пушки и Паруса, Осел, Мирон, Волк и Кот, Три Мужика.*

И в *девятой* книге, заключающей в себе *одиннадцать* басен, талант Крылова еще удивляет своею силою и свежестию: для него нет старости! Нам особенно нравятся следующие две басни:

Волки и Овцы

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что, наконец,

Правительство зверей благие меры вяло,
Вступиться в спасенье Овец,—
И учрежден совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких Волков, и много крат,—
Примеры эти не забыты,—
Которые ходили близко стад
Смирнехонько — когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить!
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили,
И, наконец, придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит,
И обижать он Овцу станет:
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор
Хоть говорят: Волкам и не спускают —
Что будь Овца ответчик иль истец;
А только Волки все-таки Овец
В леса таскают.

Вельможа

Какой-то, в древности, вельможа
С богато-убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон,
Сказать простее,— умер он;
И, так, как встарь велось, в аду на суд явил

Тотчас допрос ему: — «Чем был ты? где родился?»
«Родился в Персии, а чином был Сатрап,
Но, так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил».
«Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал,
Да все подписывал, что он ни подавал».
— «Скорей же в рай его!» «Как! где же
справедливость?»

Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.

— «Эх, братец! отвечал Эак:

«Не знаешь дела ты никак.

Не видишь, разве, ты? Покойник — был дурак!

Что, если бы с такою властью

Взялся он за дела, к несчастью?

Ведь погубил бы целый край!..

И ты б там слез не обобрался!

Затем-то и попал он в рай,

Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде, и видел там судью:

Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

Также прекрасна басня «Кукушка и Петух».

Странно: почему до сих пор не изданы комедии Крылова? Конечно, эти комедии далеко не так хороши, как его же басни, но все же они хороши настолько, чтобы стоить имени своего автора, — а это, право, не мало! Сверх того, комедии Крылова еще интересны как памятники нравов и литературы старого времени.

Новое издание басен Крылова, в типографском отношении, очень удовлетворительно.

В наше время *народность* сделалась первым достоинством литературы и высшею заслугою поэта. Назвать поэта «народным» значит теперь — возвеличить его. И потому все пишущие стихами и прозою во что бы то ни стало, прежде всего, хотят быть «народными», а потом уже и талантливыми. Но, несмотря на то, у нас, как и везде, бездарных писак гораздо больше, нежели талантливых писателей, а последних гораздо больше, нежели таких, которые были бы в одно и то же время и даровитыми и народными авторами. Причина этого явления та, что *народность* есть своего рода талант, который, как всякий талант, дается природою, а не приобретается какими бы то ни было усилиями со стороны писателя. И потому способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве — другой талант, не всегда, а напротив, очень редко, являющийся вместе с первым. Чего бы, казалось, легче русскому быть русским в своих сочинениях? А между тем, русскому гораздо легче быть в своих сочинениях даровитым, нежели *русским*. Без таланта творчества невозможно быть народным; но, имея талант творчества, можно и не быть народным...¹ После Пушкина, первого русского поэта, который был велик и национален,—после Пушкина все пустились в народность, все за нею гонятся, а достигают ее только те, которые о ней вовсе не заботятся, стараясь быть только самими собою. И чего не делают эти рыцари народности², эти новые Дон-Кихоты

¹ Опускаем высказывания Белинского о Ломоносове, Державине и других писателях. (Прим. ред.)

² «Рыцари народности» — определенные лица, с которыми

которые, затем, что им никогда не удавалось видеть в лицо дамы своего сердца, вместо нее поклялись в верности толстой простонародности — краснощекой Дульцинее, — чего не делают они, чтоб сорвать улыбку одобрения с жирных и неопрятных губ этой девы в кумачном сарафане, с насаленною косою?.. Бедные, они добровольно отрекаются в своих сочинениях от сословия, к которому принадлежат, от образованности, которою обязаны воспитанию, даже от той доли здравого смысла, которою не обделила их природа! Они тщательно прячут свой фрак под смурый кафтан и, поглаживая накладную бороду, выпуски друг перед другом копируют язык гостинодворцев, лавочных сидельцев и деревенских мужиков. «О, волны балтийские!» восклицает один из них: *«важно и почтенно уважили* вы меня, примчавши из *немецкой нехристи* к православным берегам пароход с моим другом!» Другой восклицает к своему приятелю (называя его, ради народного эффекта, *однокашником* и *однокорытником*): «Молодец ты, братец ты мой, дѹка и удалец! Бойко и почтенно пьешь ты пенную влагу за Русь и за наше молодое буйство, ясно и восторженно бурлит в тебе бурсацкая кровь разымчивою, пьяною любовью к родине: мил ты мне, дѹка и буйан вдохновенный!» Третий идет дальше: отуманенный пенным вдохновением, он прокликает науку, изрыгает пьяные хулы на просвещение, — и все это во имя народности, не подозревая, в простоте ума и сердца своего, что это совсем не народность, а площадная простонародность, тем более возмутительная, что она накидная, притворная,

рыми полемизировал Белинский в статье «Русская литература в 1844 г.», напечатанной месяцем раньше в «Отечественных записках». Восклицания первых двух рыцарей пародируют стихи Языкова, под третьим рыцарем разумеется Шевырев, под четвертым — Хомяков. (Прим. ред.)

следовательно, лишенная той наивности, которая красит даже и глупость и пошлость, делая их смешными. Чем дальше в лес, тем больше дров: четвертый выкидывает новую штуку: он, в своих стихах, не прикидывается сидельцем из овощной лавки или бурлаком с Волги, не поет гимнов пеннику, не говорит, чтоб этот напиток был для Ломоносова животворным источником вдохновения, учености и знания русского языка, не прославляет ночных оргий, буйного на словах, но трезвого на деле разгуля, ни вакханального сладострастия, которое отзывается только испорченностью фантазии, и потому холодно и гадко, как улыбка мертвых губ, приведенных в сотрясении вольтовым столбом,—нет, этот четвертый себе на уме—он ползет дальше, таращится выше. У него есть настолько ума, чтоб отличить простонародность, или тривиальность, от народности, и он не хочет первой, а добивается последней. Для этого он выкидывает штуку помудренее трех первых: он объявляет себя избранным свыше органом народной славы, благовествующим колоколом великой судьбы своей родины. Завидная доля! Блажен, кто действительно назначен для нее природою! Но Лжедмитрии жалки и смешны не в одной политической истории: они смешны и в летописях литературы,—как это мы сейчас увидим. И вот наш непризванный и непризнанный благовестник отечественной славы начинает высиживать потовые стихи: торопиться ему нечего, и ему не беда, если к трем стихам четвертый придумается через год или через два: мозаика мыслей и стихов требует терпения и времени, как и живописная мозаика. Он избегает слов площадных и гоняется только за словами и оборотами старого летописного языка. Главное дело: стихи были бы гладки и звучны, резали бы зрительный нерв читателя фосфорической яркостью красок, раздражали бы его слух колокольною звуч-

ностью и озадачивали бы его ум внешнею глубиной изысканной мысли. Что нужды, что в этих стихах нет ни одного истинно русского, живого, теплого слова, что в них все искусственно и поддельно и часто недостает смысла? Что нужды, что в них Русь показывается такою, какою она в действительности никогда не была, и какою она существует только в маниловской фантазии сочинителя, что в ее представлении старое и навсегда прошедшее смешивается с новым настоящим и неведомым будущим? Что нужды — ведь фантазерству закон не писан! Притом же, как бы ни был человек ограничен, он всегда найдет несколько людей еще более ограниченное самого себя, которые готовы ему удивляться и превозносить его. Эти добрые приятели могут доставить ему двойное удовольствие: и славу, правда, очень жалкую, но для дюжинной природы все же завидную; и потеху, потому что он может и пользоваться доставленною ими славою, и под рукою смеяться над ними. Все это делается в стихах; а что еще делается в романах, повестях и драмах — боже мой! Да об этом лучше уж и не начинать говорить; а то, пожалуй, и не кончишь!

Подобными примерами бесплодного рыцарского обожания народности богата не одна русская литература. Мы укажем на такой пример во французской литературе, — на такое же явление, только в огромном размере, и не просто комическое, но вместе с тем и трагическое. Посмотрите на Виктора Гюго: чем он был, и чем он стал! Как страстно, как жадно, с какою конвульсивною энергиею стремился этот человек, действительно даровитый, хоть и несколько не гениальный, сделаться представителем в поэзии национального духа своей земли в современную нам эпоху! И, между тем, как жалко ошибся он в значении своего времени и в духе современной ему Франции! И теперь еще высится в своем готическом

величии громадное создание гения средних веков — Собор Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris), а тот же собор, воссозданный Виктором Гюго, давно уже обратился в карикатурный гротеск, в котором величественное заменено чудовищным, прекрасное — уродливым, истинное — ложным... А его несчастные драмы — *requiscat in pacem!*¹ Франция, некогда до сумасшествия рукоплескавшая Виктору Гюго, давно обогнала и пережила его, и забавляется тем, что он сделался теперь мишенью всех острот и насмешек. Но есть теперь во Франции поэт, который явился прежде Виктора Гюго и жив еще до сих пор: этот поэт слагал песенки, которые пелись в одно и то же время и простым народом и людьми образованных классов. Слагал он эти песенки совсем не для того, чтоб сделаться великим человеком; нет, он пел потому только, что ему пелось; и он сам себя всегда называл песенником (*chansonnier*), как бы думая, что титул поэта для него слишком высоко. И в самом деле, его песни давно уже пелись целым народом, людьми грамотными и безграмотными, но все смотрели на него только как на песенника — не более. И как же могло быть иначе? ведь песня, особенно веселая и шутивная, не больше, как безделка; это совсем не то, что увесистая поэма или роман, в роде «Notre Dame de Paris»... Наполеон был из первых, которые поняли этого «песенника»: по выражению одного французского критика, Наполеон из отдаленного своего острова приветствовал *Беранже*, как царя французских поэтов... И не мудрено: Наполеон не отличался особенным эстетическим вкусом, но у него было удивительное чутье, чтоб предугадать народную славу еще в ее колыбели, в какой бы сфере деятельности ни суждено было ей проявиться... И в самом деле

¹ Починут в мире. (Прим. ред.)

«песенник» скоро всеми признан был великим поэтом не одной Франции и национальнейшим поэтом самой Франции. Вся сущность национального духа Франции высказалась в песнях Беранже в самой оригинальной, в самой французской, и притом в роскошно поэтической форме. Скромный «песенник» имел право сказать о себе:

Enfin, avouez qu'en mon livre
Dieu brille à travers ma gaité!
Je crois qu'il nous regarde vivre
Qu'il a beni ma pauvreté¹.

Всего поразительнее в параллели между Виктором Гюго и Беранже то, что первый искал славы, и она обманула его; другой не думал о ней,—и она увенчала его своим ореолом. Такие явления не редки. Сальери Пушкина не совсем не прав, говоря, что бессмертный гений посылается не в награду самоотвержения, трудов и молений,—

А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного...

Да, народность в поэте есть такой же талант, как и способность творчества. Если надо родиться поэтом, чтоб быть поэтом,—то надо и родиться народным, чтоб выразить своей личностью характеристические свойства своих соотечественников. Правда, в строгом смысле, никто, принадлежа народу, не может не быть народным, да та беда, что в одном черты народности обозначены слабо, вяло и незаметно, а

¹ Наконец, признайтесь, что в моей книге сквозь мою веселость сверкает божество. Я верю, что оно видит, как мы живем, что оно благословило мою бедность. (*Прим. ред.*)

другой представляет собою хотя и резко, но зато не такие стороны народности, которыми можно было бы гордиться. Всякий немец курит табак и ест картофель; всякий немец тяжел и расчетлив; но не всякий немец — Гёте или Шиллер. Сколько на Руси найдется людей, которые умеют петухом кричать и любят в трескучие морозы окунуться в реке; но из этого еще не следует, чтоб каждый из этих людей был Суворов.

Народным делает человека его натура. Поэтому для него нет ничего легче, как быть народным. Без природы же, как ни бейтесь — народным не будете. Скажем более: тоскливое, усиленное желание быть народным есть первый признак отсутствия способности быть народным. Это бывает и в простых житейских отношениях. Соберется на улице толпа смотреть какое-нибудь интересное для нее зрелище, и стоит между нею верзила чуть не в три аршина, и все ему видно без всякого с его стороны усилия, а подле него пялится на цыпочках какой-нибудь малорослый и, несмотря на все свои усилия, ничего не может увидеть. С завистью и невольным уважением смотрит он на великана, как будто бы вменяя ему в великую заслугу его рост, в котором тот нисколько не виноват, и от которого он иной раз стонет и охает, когда ему приходится шить на себя платье или не удастся увернуться от удара, который метче падает на высокое, нежели на низкое.

Самоотвержение, труд, наука имеют свойство развивать и улучшать данное природою: это благотворный дождь, падающий на семя; но, если нет семени, дождь производит не плодородие, а только грязь. Есть счастливые натуры, которым даже даром дается все то, чего другие, более бедные натуры, и трудом получить не могут. Вот эти-то счастливые баловни природы иногда проживают всю жизнь свою, почти не догадываясь о своем значении, и беспечно,

лениво пользуясь славою, которая далась им даром. К таким натурам принадлежал наш Крылов.

Так как способность быть народным есть своего рода талант, то она имеет свои бесконечные степени, подобно всякому таланту. Тут есть таланты обыкновенные и великие, есть гении. Это зависит от степени, в которой известная личность выражает собою дух своей нации. Организация одного вмещает в себе лучшие, высшие стороны национального духа; организация другого обнимает собою менее характеристические стороны народности; один выражает собою многие, другой весьма немногие стороны субстанции своего народа. Оттого в поэтах, со стороны народности, такая же разница, как и в поэтах со стороны таланта. Пушкин поэт народный, и Кольцов поэт народный, — однакож расстояние между обоими поэтами так огромно, что как-то странно видеть их имена, поставленные рядом. И эта разница между ними заключается в объеме не одного таланта, но и самой народности. В том и другом отношении Кольцов относится к Пушкину, как бьющий из горы светлый и холодный ключ относится к Волге, протекающей большую половину России и поющей миллионы людей. Но, во всяком случае, качество *народности* есть великое качество в поэте: и Кольцов переживет многих поэтов, которые пользовались несравненно высшею против него славою, но которые не были народны. Народный поэт есть явление *действительное*, в философском значении этого слова: если б даже поэтический талант его был не огромен, он всегда опирается на прочное основание — на натуру своего народа, и во внимании к нему выражается акт самосознания народа. Поэт же, талант которого лишен национальной струи, всегда, более или менее, есть явление временное и преходящее: это — дерево, сначала пышно раскинувшее свои ветви, но потом скоро засохшее от бесси-

лия глубоко пустить свои корни в почву. Поэтому народность в поэте есть своего рода *гениальность*, не всегда в смысле глубины и многосторонности, но всегда в смысле оригинальности. В самом деле, что же составляет первую, самую резкую черту гения, если не эта особенность, не эта оригинальная самобытность, которая всегда открывает свою деятельностью совершенно новую сферу мысли, которую талант, по следам гения, только разрабатывает, но под оригинальную форму которой он не может подделаться?..

Нет нужды доказывать, что между народностью поэзии Крылова и народностью поэзии Пушкина такая же огромная разница, как и вообще между поэзией Крылова и поэзией Пушкина. Мы не сочли бы за пужное и упоминать об этом, если б не знали, что в нашем литературном мире есть особенного рода «ценители и судьи», которые, радуясь случаю объявить себя задушевными друзьями умершего поэта (благо, уже он не может изобличить их в клевете!), готовы поставить его выше всякого другого, к которому им никак нельзя набиться в дружбу, даже и после его смерти¹. Несмотря на то, что все точные определения сравнительных величин писателей немножко отзываются детством,—мы тем не менее чувствуем необходимость прибегать к подобным определениям, зная, что большинство нашей публики, еще не установившееся в самостоятельном литературном вкусе, нуждается в них. Один из так называемых критиков² объявил же некогда, что, если б ему нужно было унести с собою в кармане все, что есть лучшего в русской литературе,—он взял бы *только* басни Крылова и «Горе от ума»

¹ Намек на отношение к Пушкину редактора реакционной «Северной пчелы» — Булгарина. (Прим. ред.)

² Тот же Булгарин. (Прим. ред.)

Грибоедова. В большинстве нашей публики всякое мнение находит себе последователей, и потому у нас не мешает чаще повторять истины, в роде той, что дважды два — четыре. И потому обратимся к сравнениям. Если мы сказали, что поэзия Кольцова относится к поэзии Пушкина, как родник, который поит деревню, относится к Волге, которая поит более, чем половину России,— то поэзия Крылова, и в эстетическом и национальном смысле, должна относиться к поэзии Пушкина, как река, пусть даже самая огромная, относится к морю, принимающему в свое необъятное лоно тысячи рек, и больших и малых. В поэзии Пушкина отразилась вся Русь, со всеми ее субстанциальными стихиями, все разнообразие, вся многосторонность ее национального духа. Крылов выразил — и, надо сказать, выразил широко и полно — одну только сторону русского духа — его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию. Многие в Крылове хотят видеть непременно баснописца; мы видим в нем нечто большее. Басня только форма; важен тот дух, который точно так же выражался бы и в другой форме. Говоря о Хемницере и Дмитриеве, говорите о басне и баснописцах. Басни Крылова, конечно, тоже басни, но, сверх того, еще и нечто большее, нежели басни... Объясним нашу мысль сравнением. Дмитриев написал около семидесяти басен, и многие из них прекрасны. Но в чем состоит их главное достоинство? — В хороших (по тому времени) стихах и наставительности, полезной и убедительной — для детей. Лучшею баснею Дмитриева была признана тогдашними словесниками басня *Дуб и Трость*, переведенная или переделанная им из Лафонтена. Крылов тоже перевел и передал эту басню, и общее мнение справедливо признало пьесу Дмитриева лучшею. Но что же в этой басне? — доказательство, что **сильные**

погибают скорее, нежели слабые, потому что первые стоят на высоте, подверженные всем ударам бурь, а последние, на своих низменных местах, спасаются от ветра способностью гнуться. Справедливо и морально, но опять-таки только для детей! Взрослые люди не по басням учатся нравственной философии; в наше время и четырнадцатилетнего мальчика не очень убедишь такую басню. Вот еще одна из лучших басен Дмитриева:

О, дети, дети, как опасны ваши лета!
Мышонок, не видавший света,
Попал было в беду, и вот как он об ней
Рассказывал в семье своей:
«Оставляя нашу нору
И перебравшись чрез гору,
Границу наших стран, пустился я бежать,
Как молодой мышонок,
Который хочет показать,
Что он уж не ребенок.
Вдруг с размаху на двух животных набежал:
Какие звери, сам не знал;
Один так смирен, добр, так плавно выступал,
Так миловиден был собою!
Другой нахал, крикун, теперь лишь только с бою
Весь в перьях; у него косматый крюком хвост;
Над самым лбом дрожит нарост
Какой-то огненного цвета,
И так, как две руки, служащи для полета;
Он ими так махал,
И так ужасно горло драл,
Что я-таки не трус, а подавай бог ноги —
Скорее от него с дороги.
Как больно! без него я, верно бы, в другом
Нашел наставника и друга!
В глазах его была написана услуга!
Как тихо шевелил пушистым он хвостом!

С каким усердием бросал ко мне он взоры,
Смиренны, кроткие, но полные огня!
Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;
Головка пестрая, а вдоль спины узоры;
А уши, как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна симпатия быть с нами,
Высокородными мышами».

— А я тебе на то скажу,—
Мышонка мать остановила,—
Что этот доброхот,

Которого тебя наружность так прельстила,
Смиренник этот — Кот;

Под видом кротости, он враг наш, злой губитель;
Другой же был — Петух, смиренный кур
любитель.

Не только от него не видим мы вреда,
Иль огорченья,

Но сам он пищей нам бывает иногда;
Вперед по виду ты не делай заключенья.

Вот вам и *басня*! Если вы не знаете, как опасны детские лета, и что по виду не должно делать заключения,—вам полезно будет даже выучить ее паизусть. А вот одна из лучших басен Крылова:

Крестьянин позвал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур не досчитались:
От них лишь косточки да перышки остались,
А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,

И всех соседей в том в свидетели звал,
Что никогда за ней не знали никакого
 Ни воровства,
 Ни плутовства;

А сверх того, она совсем не ест мясного.
И приговор Лисы вот от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы,
 Понеже хоронить концы
 Все плуты, ведомо, искусны;

По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь,
 А куры очень вкусны,
 И случай был удобен ей;
 То я сужу, по совести моей:
 Нельзя, чтоб утерпела
 И кур она не съела;

И, вследствие того, казнить Овцу,
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

Мы привели эти две басни совсем не для решения вопроса, который из двух баснописцев выше: подобный вопрос и не в наше время был уже смешон. Кумовство и приходские отношения некогда старались даже доставить пальму первенства Дмитриеву¹. Тогда это было забавно, а теперь было бы нелепо. Мы привели эти две басни, чтоб показать, что басни Крылова — не просто басни: это повесть, комедия, юмористический очерк, злая сатира, словом, что хотите, только не просто басня. Басен в таком роде не много у Дмитриева: *Мышь, удалившаяся от*

¹ П. А. Вяземский в статье «О жизни и сочинениях И. И. Дмитриева» ставил последнего выше Крылова. Возражая Вяземскому, Пушкин писал ему: «И что тебе Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова». (*Прим. ред.*)

света, Лиса-проповедница, Муха и Прохожий,— всего пять¹, из них особенно хороша вторая; но ни в одной из них нет этих руссизмов и в языке и в понятиях, потому что галлицизмы или руссизмы бывают не в одном языке, но и в понятиях: француз по-своему смотрит на вещи, по-своему схватывает их смешную сторону, по-своему анализирует, русский — по-своему. Вот этим-то умением чисто по-русски смотреть на вещи и схватывать их смешную сторону в меткой иронии владел Крылов с такою полнотою и свободою. О языке его нечего и говорить: это неисчерпаемый источник руссизмов; басни Крылова нельзя переводить ни на какой иностранный язык; их можно только переделывать, как переделываются для сцены Александрийского театра французские водевили; но тогда — что же будет в них хорошего? Множество стихов Крылова обратились в пословицы и поговорки, которыми часто можно окончить спор и доказать свою мысль лучше, нежели какими-нибудь теоретическими доводами. Не как предположение, но как истину, в которой мы убеждены, можем сказать, что для Грибоедова были в баснях Крылова не только элементы его комического стиха, но и элементы комического представления русского общества. В приведенной нами басне *Крестьянин и Овца* эти элементы очевидны: в ней нет никакой морали, никакого нравоучения, никакой сентенции; это просто — поэтическая картина одной из сторон общества, маленькая комедийка, в которой удивительно верно выдержаны характеры действующих лиц, и действующие лица говорят каждое сообразно с своим характером и своим званием. Кто-то и когда-то сказал, что «в баснях у Крылова медведь — русский медведь, курица — русская курица»: слова эти всех насмешили, но в них

¹ Опечатка или описка: не пять, а четыре. (Прим. ред.)

есть дельное основание, хотя и смешно выраженное. Дело в том, что в лучших баснях Крылова нет ни медведей, ни лисиц, хотя эти животные, *кажется*, и действуют в них, но есть люди, и притом русские люди. Выше мы привели басню Крылова без морали и сентенции, а теперь выпишем басню с моралью и сентенциями:

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?»

Лисицу спрашивал Сурок.

«Ох, мой голубчик куманек!

Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьей,

Утратила в делах здоровье и покой

В трудах куска не доедала,

Ночей не досыпала:

И я ж за то под гнев подпала:

А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:

Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?

Мне взятки брать? Да разве я взбешуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько».

«Нет, кумушка; а видывал частенько,

Что рыльцо у тебя в луху».

Ссылаемся на здравое суждение наших читателей и спрашиваем их: много ли стихов и слов нужно переменить в этой басне, чтоб она целиком могла войти, как сцена, в комедию Грибоедова, если б Грибоедов написал комедию *Взяточник*? Нужно только имена зверей заменить именами людей, да переменить последний стих, из уважения к взяточникам, которые хоть и плуты, но все же имеют лицо, а не рыльцо... Это басня; а вот ее мораль, ее сентенции:

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает.
И подлинно: весь город знает,
Что у него ни за собой,
 Ни за женой,—
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
А как не согрешишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть?

Если хотите, это — мораль, потому что всякая сатира, которая кусается, богата моралью; но в то же время это — новая басня, которую опять можно принять за монолог из грибоедовской комедии. Есть люди, которые с презрением смотрят на басню, как на ложный род поэзии, и потому не хотят ценить высоко таланта Крылова. Грубое заблуждение! Вольтер прав, сказав, что все роды поэзии хороши, кроме скучного... и несовременного, прибавим мы. Басня, как нравоучительный род поэзии, в наше время — действительно ложный род; если она для кого-нибудь годится, так разве для детей: пусть их и читать приучаются, и хорошие стихи заучивают, и набираются мудрости, хотя бы для того, чтоб после над нею же трунить и острить. Но басня, как *сатира*, есть истинный род поэзии. Конечно, не только превосходная басня, но и целое собрание превосходных басен, может быть, далеко не то, что одна такая комедия, как *Горе от ума*; однакож, во-первых, всякому свое, и каждый талант пусть идет своею дорогою; во-вторых, как мы заметили выше, басня может заключать в себе элементы высших родов поэзии, как, например, комедии; а в-третьих, сама басня, так, как она есть, не может быть заменена никаким другим родом, как бы он ни был выше ее.

Если *Горе от ума* выше каждой басни и, пожалуй, выше всех басен Крылова,—от этого басня *Крестьянин и Овца* нисколько не теряет свойственного ей достоинства и вполне остается превосходным произведением. В этом отношении выражение Вольтера: «все роды поэзий хороши, кроме скучного», получает глубокий смысл. Нравоучительная басня, уже по самой своей сущности, скучный род, и тратить на нее талант — все равно, что стрелять из пушек по воробьям. Но басня, как сатира, была и всегда будет прекрасным родом поэзии, пока будут являться на этом поприще люди с талантом и умом. Роды поэзии всегда были и всегда будут одни и те же: они изменяются, сообразно с национальностями и эпохами, в духе и направлении, но не в форме. Трагедия — везде трагедия: и в древней Индии, и в древней Греции, и у французов XVII века, и у англичан XVI, и у немцев XVIII и XIX века; но трагедия индийцев не то, что трагедия греков; трагедия древних греков — не то, что трагедия Корнеля и Расина; классическая французская трагедия не то, что трагедия Шекспира, а трагедия Шекспира не то, что трагедия Шиллера и Гёте. Между тем, каждая из этих трагедий хороша сама по себе и по своему времени, но ни одна из них не может назваться вечным типом, и трагедия самого Шекспира для нашего времени так же не годится, как трагедия Расина... не в том смысле не годится, чтоб ее теперь нельзя было читать,—боже нас сохрани от такой варварской мысли!—но в том, что современную нам действительность невозможно изображать в духе и форме шекспировской драмы. То же можно сказать и о басне. Эзоп не годится для нашего времени. Выдумать сюжет для басни теперь ничего не стоит, да и выдумывать не нужно: берите готовое, только умеете *рассказать и применить*. Рассказ и цель — вот в чем *сущность басни*; сатира

И ирония — вот ее главные качества. Крылов, как гениальный человек, инстинктивно угадал эстетические законы басни. Можно сказать, что он создал русскую басню. И его инстинктивное стремление потом перешло в сознательное убеждение. Крылова басни можно разделить на три разряда: 1) басни, в которых он хотел быть просто моралистом, и которые слабы по рассказу; 2) басни, в которых моральное направление борется с поэтическим, и 3) басни чисто сатирические и поэтические (потому что сатира есть поэзия басни). К первому разряду принадлежат басни: *Дуб и Трость; Ворона и Курица; Лягушка и Вол; Парнас; Василек; Роца и Огонь; Чиж и Еж; Обезьяны; Мартышка и Очки; Два Голубя; Червонец; Безбожники; Лягушки, просящие царя; Раздел; Бочка; Волк на псарне; Ручей; Стрекоза и Муравей; Орел и Пчела; Заяц на ловле; Волк и Кукушка; Петух и Жемчужное Зерно; Хозяин и Мыши; Огородник и Философ; Старик и трое Молодых; Дерево; Лань и Дервиш; Листы и Корни; Волк и Лисица; Пруд и Река; Механик; Пожар и Алмаз; Крестьянин и Змея; Конь и Всадник; Чиж и Голубь; Водолазы; Госпожа и две Служанки; Камень и Червяк; Крестьянин и Смерть; Собака; Рыцарь; Человек, Кошка и Сокол; Подагра и Паук; Лев и Лисица; Хмель; Туча; Клеветник и Змея; Лягушка и Юпитер; Кукушка и Горленка; Гребень; Скупой и Курица; Две Бочки; Алкид; Апеллес и Осленок; Охотник; Мальчик и Змея; Пчела и Мухи; Пастух и Море; Крестьянин и Змея; Колос; Мальчик и Червяк; Сочинитель и Разбойник; Ягненок; Булыжник и Алмаз; Мот и Ласточка; Плотник; Паук и Пчела; Змея и Овца; Дикие Козы; Сова; Котенок и Скворец; Лев; Серна и Лиса; Крестьянин и Лошадь; Сокол и Червяк; Филин и Мел; Змея; Мыши. Во всех этих баснях Крылов является истинным баснописцем в духе прошлого века,*

когда в басне видели моральную аллегория. В них он может состязаться с Хемницером и Дмитриевым, то побеждая их, то уступая им. Так, знаменитая в свое время, но довольно пошлая басня Лафонтена *Два Голубя*, в переводе Дмитриева лучше, нежели в переводе Крылова: Крылову никогда не удавалось быть сентиментальным! Во всех поименованных нами баснях преобладает риторика: рассказ в них растянут, вял, прозаичен, язык беден руссизмами, мысль отзывается общим местом, а нравственные выводы недорого стоят. Тут Крылов еще не мастер, а только ученик и подражатель,— человек прошлого века.

Ко второму разряду мы причисляем басни: *Вороны и Лисица; Ларчик; Разборчивая Невеста; Оракул; Волк и Ягненок; Синица; Троеженец; Орел и Куры; Лев и Барс; Вельможа и Философ; Мор Зверей; Собачья дружба; Прохожие и Собаки; Лжец; Щука и Кот; Крестьянин и Работник; Обоз; Вороненок; Осел и Соловей; Откупщик и Сапожник; Слон и Моська; Волк и Волчонок; Обезьяна; Мешок; Кот и Повар; Лев и Комар; Крестьянин и Лисица; Свинья; Муха и Дорожные; Орел и Паук; Собака; Квартет; Лебедь, Щука и Рак; Скворец; Пустынник и Медведь; Цветы; Крестьянин и Разбойник; Любопытный; Лев на ловле; Демьянова уха; Мышь и Крыса; Комар и Пастух; Тень и Человек; Крестьянин и Топор; Лев и Волк; Слон в случае; Фортуна и Нищий; Лиса-Строитель; Напраслина; Фортуна в гостях; Волк и Пастухи; Пловец и Море; Осел и Мужик; Волк и Журавль; Муравей; Лисица и Виноград; Овцы и Собаки; Похороны Трудолюбивый Медведь; Совет Мышей; Паук Пчела; Лисица и Осел; Муха и Пчела; Котел Горшок; Скупой; Богач и Поэт; Две Собаки Кошка и Соловей; Лев состаревшийся; Кукушка Орел; Сокол и Червяк; Бедный богач; Пушки*

Паруса; Осел; Мирон; Крестьянин и Лисица; Собака и Лошадь; Волк и Кот; Лещи; Водопад и Ручей; Лев. Из этих басен не все равного достоинства, некоторые из них совершенно в моральном духе, но замечательны или умною мыслию, или оригинальным рассказом, или тем, что их мораль видна из дела, или высказана стихом, который так и смотрит по словицей.

К третьему разряду мы относим все лучшие басни, каковы: *Музыканты; Лисица и Сурок; Слон на воеводстве; Крестьянин в беде; Гуси; Тришкин кафтан; Крестьяне и Река; Мирская сходка; Медведь у пчел; Зеркало и Обезьяна; Мельник; Свинья под дубом; Голик; Крестьянин и Овца; Волк и Мышонок; Два Мужика; Рыбы пляски; Прихожанин; Ворона; Белка; Щука; Бритвы; Булат; Кулец; Три Мужика.* Девятая (и последняя) книга включает в себе одиннадцать басен: из них видно, что Крылов уже вполне понял, чем должна быть современная басня, потому что между ними нет ни одной, которая была бы написана для детей, тогда как в *седьмой* и *восьмой* книгах, самых богатых превосходными баснями, еще попадаются детские побасенки, как, например, *Плотичка*. Хотя все одиннадцать басен девятой книги принадлежат к числу лучших басен Крылова, однако нельзя не заметить, что их выполнение не совсем соответствует зрелости их мысли и направления: тут виден еще великий талант, но уже на закате. Исключение остается только за *Вельможею*, которым достойно заключено в последнем издании собрание басен Крылова: это одно из самых лучших его произведений. Девятая книга доказывает, что бы мог сделать Крылов если б он попозже родился... Но в то же время его появление в эпоху младенчества нашей литературы свидетельствует о великой силе его таланта: риторическое направление литературы могло повре-

дить ему, но не в силах было ни убить, ни исказить его.

Крылов родился 2 февраля 1768¹ года, следовательно, почти через три года после смерти Ломоносова, за шесть лет до смерти Сумарокова; первому талантливому русскому баснописцу, Хемницеру, было тогда 24 года от роду, а Дмитриеву было только 8 лет. Сын бедного чиновника, Крылов не мог получить блестящего воспитания, но благодаря своей счастливой натуре он не остался без образования, и в этом отношении с малыми средствами умел сделать много. Он принадлежал к числу тех оригинальных натур, в которых сильная внутренняя самостоятельность соединяется с беспечностью, ленью и равнодушием ко всему. Крылов не был страстен, но не был и апатичен: он был только ровен и спокоен. Удивляя своей ленью, он умел удивлять и деятельностью: известен анекдот о нем, как он из-за спора с приятелем своим Гнедичем в короткое время, тайком ото всех, выучился греческому языку, будучи уже далеко не в тех летах, когда учатся. Поэтому не мудрено, что в нем рано проснулась страсть к литературе, которая никогда не пылала в нем, но всегда горела тихим и ровным пламенем. Пятнадцати лет от роду он был уже сочинителем и, бедный канцелярист в одном из присутственных мест Твери, написал либретто комической оперы *Кофейница* (Крылов любил музыку). Опера эта никогда не была в печати², и беспечный автор даже затерял и рукопись своего первого произведения. Семнадцати лет от роду Крылов переехал на

¹ Точная дата рождения Крылова: 2/13 февраля 1768 г. (Прим. ред.)

² «Кофейница» была опубликована в 1869 г. (Прим. ред.)

службу в Петербург, в 1785 году, и с этого времени начинается его литературная карьера. Он знал по-французски, но настоящими учителями его были тогдашние русские писатели. Литература русская следовала тогда риторическому направлению, данному ей Ломоносовым. Ломоносов тогда считался безупречным образцом для всякого, кто хотел быть поэтом. Сумароков разделял с ним право великого маэстро словесности. Державин тогда только что, как говорится, вошел в славу. *Россиада* Хераскова только что вышла в это время (1785); лирик Петров был уже на высоте своей славы; колоссальная в то время слава Богдановича утвердилась еще с 1778 года, когда вышла его *Душенька*; Фонвизин в то время был уже автором *Недоросля*; последник Сумарокова в драматической литературе, Княжнин, также был в то время на вершине своей славы; пользовались тогда большою известностью: Костров, Николев, Майков, Рубан, Аблесимов, Клушин, Плавильщиков, Бобров. Но в это же время зарождалась и новая эпоха русской литературы: тогда выступала на литературное поприще дружина молодых талантов, еще неизвестных, но которым назначалась впоследствии более или менее важная роль в нашей литературе. Таковы были: Нелединский-Мелецкий, Капнист, Долгорукий (Иван), Подшивалов, Никольский, Макаров, наконец — Карамзин и Дмитриев, которые были потом, особенно первый, оракулами нового периода русской словесности. В этот переходный момент нашей литературы начал семнадцатилетний Крылов свое поприще. Не скоро осознал он свое назначение и долго пробовал свои силы не на своем поприще. Не думая быть баснописцем, он думал быть драматургом. Он написал трагедию *Клеопатра*, и, как, по замечаниям знаменитого Дмитревского, признал ее неудачною, написал другую — *Филомела*. Обе они не попали ни на театр,

ни в печать. Наконец он пробовал себя даже в оде...¹

Эта ода напечатана в Петербурге, в 4-ю долю листа, на десяти страницах. Она доказывает, как трудно писателю, особенно молодому, не заплатить дани своему времени. Крылов не был особенным почитателем этого рода поэзии, исключительно завладевшего тогда всею русскою литературою, и зло подтрунивал над *одистами*. Не знаем подлинно, оп ли был издателем журналов *Зритель* и *Почта Духов*², или только участвовал в их издании; но в своих сатирических статьях, которые Крылов помещал в этих журналах, он жестоко нападает на кропателей од. Статьи Крылова, помещавшиеся в этих изданиях, все сатирического содержания, и все направлены преимущественно на модников, на модные магазины, принадлежавшие иностранцам, на употребление французского языка в образованном русском обществе и на невежество. В *Зрителе* есть даже восточная повесть Крылова — *Каиб*; она отзывается аллегорическим и моральным направлением, но истинное достоинство ее составляет дух сатиры, местами необыкновенно меткой и злой. *Почта Духов* была первым журналом, который издавал Крылов, или в котором он принимал деятельное участие. Это издание состоит из двух частей; выходило оно в 1789 году, а в 1802 вышло вторым изданием. *Зритель* печатался в собственной типографии Крылова; вот полный титул этого издания: «Зритель, ежемесячное издание 1792 года. В Санктпетербурге,

¹ Белинский впервые опубликовал оду Крылова, которую мы здесь опускаем. Ода была написана Крыловым в 1790 г.: «На заключение мира России со Швециею» (*Прим. ред.*)

² Издателями «Зрителя» были Крылов и Клушин «Почта Духов» издавалась Крыловым совместно с Рахманиновым. (*Прим. ред.*)

1792 года, в типографии Крылова с товарищи». В 1793 году Крылов, вместе с Клушиным, издавал ежемесячный журнал *Санктпетербургский Меркурий*, печатавшийся тоже в типографии *Крылова с товарищи*. В то же время Крылов посвящал свои труды театру: в 1793 году написал он комедию *Проказники* (в прозе, в пяти актах) и оперу *Бешеная семья* (в трех действиях); в 1794 году написал он комедию *Сочинитель в прихожей* (в прозе, в трех актах). Кажется, что ни одна из этих пьес не была напечатана¹, но, должно быть, они были играны на театре, потому что обратили на автора внимание императрицы Екатерины II, которая пожелала видеть Крылова; об этом событии Крылов и в старости рассказывал с глубоким чувством. Имя Крылова сделалось тогда известным, и он занял почетное место между писателями того времени. Но эта слава не удовлетворяла его: он как бы чувствовал, если не сознавал, что идет не по своей дороге, и не мог ни на чем остановиться. Вдруг пришло ему в голову написать басни; не доверяя себе, он показал свои первые опыты в этом роде Дмитриеву, который, одобрив их, возбудил в Крылове смелость действовать на этом поприще. Какие были первые басни, написанные Крыловым, и где они напечатаны — нам неизвестно. Уверяют, будто бы эти басни, без имени Крылова, были напечатаны в *Аглае* Карамзина, издававшейся в 1794 и в 1795 годах; но это не справедливо: в обеих частях *Аглаи* помещены только две басни, одна Дмитриева — *Чиж и Зяблица*, другая, должно быть, Хераскова — *Скворец, Попугай и Сорока*; последняя названа *притчею* и подписана буквами *М. Х.* Как бы то ни было, но басни Кры-

¹ Первая пьеса написана в 1787—1788 гг., две последние — в 1786 г. Все три пьесы были напечатаны в 1793—1794 гг. «Проказники» в 1793 г. шли на сцене. (*Прим. ред.*)

лова начали часто появляться только в *Драматическом вестнике*, издававшемся в 1808 году. Там напечатаны следующие басни: *Ворона и Лисица; Дуб и Трость; Лягушка и Вол; Ларчик; Старик и трое Молодых; Лев, Собака, Лисица и Волк; Обезьяны; Музыканты; Парнас; Пустынник и Медведь; Оракул; Волк и Ягненок; Стрекоза и Муравей; Орел и Куры; Муха и Дорожные; Слон на воеводстве; Лисица и Виноград; Крестьянин и Смерть; Слон и Моська*. Все эти басни, с прибавлением некоторых новых, вошли в первое издание «Басен» Крылова, вышедшее в следующем (1809) году. В 1807 году Крылов навсегда распрощался с театром, напечатав комедии *Модная лавка* и *Урок дочкам*. Эти комедии возбудили в публике того времени величайший восторг; в *Драматическом вестнике* даже напечатаны два стихотворные послания к Крылову. В самом деле, в этих комедиях много комизма, хотя и чисто внешнего, много остроумия; в первой автор нападает на магазинщиц из иностранок, во второй — на употребление французского языка. В 1811 году вышло второе исправленное издание басен, и в том же году — издание новых басен; затем следовали издания 1815 и 1819 года. В двадцатых годах книгопродавец Смирдин купил у Крылова, за 40 000 рублей ассигнациями, право на издание его басен в продолжение десяти лет. С тех пор, до настоящей минуты, число экземпляров басен Крылова давно уже перешло за *тридцать тысяч* (считая в том числе и издание 1843 года, последнее, сделанное самим Крыловым). А сколько еще должно быть изданий этих басен! Число читателей Крылова непрерывно будет увеличиваться, по мере увеличения числа грамотных людей в России. Басни его давно уже выучены наизусть образованными и полуобразованными сословиями в России; но со временем его будет читать весь народ русский. Это слава, это триумф!

Из всех родов славы, самая лестная, самая великая, самая неподкупная — слава народная. Некто из фельетонных критиков, обрадовавшись случаю набиться в дружбу умершему Крылову, назвал его всемирным поэтом, поэтом человечества; мы этого не скажем... Крылов — поэт русский, поэт России; мы думаем, что для Крылова довольно этого, чтоб иметь право на бессмертие, и что нельзя увеличить его великости, и без того несомненной, ложными восторгами и неосновательными похвалами...

Не будем распространяться в подробностях о частной жизни Крылова. Как скоро, где публичность не в обыкновении и не в нравах, — там толки о неприкосновенной личности частного человека всегда подозрительны и никогда не могут быть приняты за достоверные. Оттого-то подобные толки напоминают всегда басню Крылова, в которой паук, прицепившись к хвосту орла, взлетел с ним на вершину Кавказа, да еще расхвастался, что он, паук, приятель и друг ему, орлу, и что он, паук, больше всего любит правду... Личность Крылова вся отразилась в его баснях, которые могут служить образцом русского себе-на-уме — того, что французы называют *aggrège-pensée*¹. Человек, живой по натуре, умный, хорошо умеющий понять и оценить всякие отношения, всякое положение, знавший людей, — Крылов тем не менее искренно был беспечен, ленив и спокоен до равнодушия. Он все допускал, всему позволял быть, как оно есть, но сам ни подо что не подделывался, и в образе жизни своей был оригинален до странности. И его странности не были ни маскою, ни расчетом: напротив, они составляли неотделимую часть его самого, были его натурою. Любо было смотреть на эту седую голову, на это простодушное, без всяких притязаний величавое лицо: точно, бы-

¹ Задняя мысль. (Прим. ред.)

вало, видишь перед собою древнего мудреца,—и этого впечатления не разрушала ни трубка, ни сигарка, не выходявшая из рта его. Хорош был этот старик-младенец, говорил ли он, или молчал: в речи его было столько спокойствия и ровноты, а в молчании так много говорило спокойное лицо его...¹

1845

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И. КРЫЛОВА, с биографиею его, писанною
П. А. Плетневым. Три тома. Спб. 1847.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ
ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА. Сочине-
ние академика Михаила Лобанова. Спб. 1847.

В последнее время начали довольно часто появляться издания сочинений старых наших писателей. Это одно из самых отрадных явлений в современной русской литературе, которое равно делает честь и литературе и публике. В то же время это факт, лучше всяких доказательств изобличающий крикунов и полуталантливых рифмачей, которые утверждают, будто теперь на Руси журнал убил книгу, и книги уже не покупаются публикою... Нас особенно радует это обращение публики к старым писателям. Сказать правду, о многих из них знала она прежде только понаслышке; исключение остается, может быть, только за Крыловым. Теперь она хочет вновь познакомиться с ними. Родилась потребность — явились и средства к ее удовлетворению, то есть издания сочинений старых писателей, почти всегда

¹ Опускаем несущественные биографические детали и объявление комитета по сбору средств на сооружение памятника Крылову. (*Прим. ред.*)

весьма дешевые, и никогда очень дорогие, как прежде.

Издания басен Крылова — давно уже не новость в нашей литературе. С 1809 года по 1843 их издано было *семьдесят семь тысяч* экземпляров! Но еще в первый раз является полное собрание *всех* сочинений Крылова: вот новость и притом весьма приятная! Конечно, его драматические опыты вообще слабы, а лирические произведения просто плохи, но ведь все же те и другие резко характеризуют нравы людей и литературы своего времени, не говоря уже о том, что комедии *Модная лавка* и *Урок дочкам* и теперь еще многими считаются за отличные произведения русской драматургии. Что же касается до его сатирических статей в прозе, наполнявших некогда издававшиеся им же журналы: *Почту Духов*, *Зрителя*¹, *Санктпетербургский Меркурий*², — то в них много ума, соли, местами даже жолчи, и вообще они представляют собою гораздо больше интереса, нежели как можно ожидать этого. Беречь их в руки с тем, чтобы перелистывать, а вместо этого со вниманием прочтешь их. Есть, правда, в них места довольно скучные, но они с избытком вознаграждаются характеристическими чертами нравов общества того времени. Есть и целые статьи, над чтением которых не будет зеваться.

Издание Крылова сделано, во всех отношениях, прекрасно. В типографском отношении нечего больше желать: не только чисто и опрятно, но красиво, даже изящно. Вместо обыкновенного, всем известного портрета Крылова, представляющего его уже стариком, издатели приложили превосходно сделанную литографию, представляющую черты Крылова, когда ему было 43 года. Этот литографированный

¹ См. прим. 2 на стр. 44. (Прим. ред.)

² Издавался Крыловым и Клушным. (Прим. ред.)

портрет снят с живописного портрета, писанного профессором Академии художеств, Волковым, в 1812 г.

Одно только заметили бы мы против редакционной части издания: напрасно басни напечатаны во втором, а не в первом томе, и еще более напрасно предшествуют им оды и другие лирические опыты, которые следовало бы поместить за баснями, в виде приложения. Ведь басни все-таки главное между сочинениями Крылова, и не будь басен, не было бы нужды издавать и всего остального. Впрочем, не в этом дело. Мы бы сделали так, другие сочли лучшим сделать иначе, а сущность дела осталась та же. Но вот что нас удивило: на заглавии первого тома выставлено слово: *проза*, второго — *поэзия*, а третьего — *театр*. Против последней классификации мы ни слова; но мы не понимаем, как можно *прозе* противопоставить *поэзию*, а не *стихотворения*? Разве не бывает поэзия в сочинениях, писанных прозою, и прозы в сочинениях, писанных стихами? Сплошь да рядом, особенно последнее. После этого, и слово *театр*, выставленное на третьем томе, лишается всякой определительности: так как в нем есть пьесы, и стихами и прозою писанные, то к чему должны мы их причислять? Те, которые писаны стихами — к поэзии, а те, которые писаны прозою — к прозе?.. Воля ваша, а для нас подобная классификация отзывается старыми временами.

Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи: *Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова*, мастерски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек, — в последнем отношении еще, может быть, лучше, нежели в первом. Взгляд автора статьи на Крылова отличается оригинальностью и глубокомы-

слием, как это видно сейчас же по одному уже вступлению:

«В лице Ивана Андреевича Крылова мы видели в полном смысле русского человека, со всеми хорошими качествами и со всеми слабостями, исключительно нам свойственными. Гений его, как баснописца, признанный не только в России, но и во всей Европе, не защитил его от обыкновенных наших неровностей в жизни, среди которых русские иногда способны всех удивлять проницательностью и верностью ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровию в делах своих. Судьба не благоприятствовала Крылову в детстве и лишила его тех пособий к постепенным успехам в литературе и обществе, которыми других наделяют рождение, воспитание и образование. Но он, как бы наперекор счастью, впоследствии времени приобрел все, что необходимо писателю и гражданину. Он даже успел развить в себе несколько талантов, составляющих роскошь и для счастливо-рожденного молодого человека. Победивши первые препятствия к благополучию и удовольствиям жизни, он на время ослабил деятельность свою в расширении знаний и с непонятым равнодушием провел несколько лет почти без дела. Наконец, снова и почти бессознательно принялся Крылов за тот род поэзии, которому ныне обязан бессмертием своим.

Удивительнее всего, что ему суждено было начать славное свое поприще в такие лета, когда многие перестают писать сочинения в стихах, предпочитая им прозу. Между тем остался ли хоть легкий след на этих трудах, что автор не во-время приступил к ним? Нет: рассматривая их живость и красоты, получаешь убеждение, что это те неувядающие цветы поэзии, которыми юность украшает гения. И вот Крылов достигнул тогда истинной славы, всеобщего уважения, самой чистой к нему привязанности тех, которые были к нему близки и вполне оценили дар его. Счастье вознаградило его за все ли-

шения молодости. Он был обеспечен на всю жизнь. Кажется, перед любознательным, тонким и свежим умом его открылись все пути к бесконечной деятельности литератора. Но он и свою поэзию занимался только как забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его к себе. Деятельность современников не возбуждала его участия. Он чувствовал выгоды и безопасность положения своего, и не оказывал ни одного покушения расширить тесную раму своих умственных трудов. Так один успех и счастье усыпили в нем все силы духа! В своем праздном благоразумии, в своей безжизненной мудрости он похоронил, может быть, несколько Крыловых, для которых в России много еще праздных мест. Странное явление: с одной стороны — гений, по следам которого уже идти почти некуда, с другой — недвижный ум, шагу не переступающий за свой порог».

Этот взгляд на Крылова вполне оправдывается двумя анекдотами из его жизни. Последний рассказан обоими биографами Крылова, и мы заимствуем его у г. Плетнева, а первый только г. Лобановым.

«Иван Андреевич иногда преследовал свою мысль и не был спокоен, пока ее не выполнил, какого бы рода она ни была; твердой воли и терпения у него был запас огромный, удивительный; но фантастические его затеи иногда были чудные, и тому, что я теперь расскажу, едва ли бы поверили, если б первому не были еще живы свидетели, а второе не сам он рассказывал. Вот первое:

Увидевши индейца, который между многими приятными штуками своего искусства, прекрасно играя светящимися мячиками, наконец составил из них светлый венок вокруг своей головы, наш Иван Андреевич, восхищенный его игрою, затеял испытать себя в этом искусстве, говоря *Ведь индеец такой же человек, как я: почему ж рус*

скому не сделать того же, что делает индеец? Задумал да и за дело: достал себе таких шаров, заперся в комнате, возился с ними несколько недель на разостланном ковре и, наконец, сделался индейцем. В доказательство, что нет смертным невозможного, он показал свое искусство в одном семействе, к которому сохранил по самый гроб душевную, непритворную привязанность, разумеется, тайком, запершись (в кабинете А. Н. О.) да и бросил, как и все свои опыты и затеи, бросил и никогда более об этом и не думал.

Беспечность и празднилюбие Крылова происходили более от равнодушия к тому, чем жизнь увлекает других, нежели от истощения душевных его сил. Светлый ум и твердая воля в нем сохранились до последних дней его. Как-то приобрел он для украшения жилища своего несколько картин. Впоследствии он охладел ко всему. За чистотою и порядком смотреть было некому. От пыли, густым слоем везде ложившейся, позолоту на нижней части рам выело у всех картин. Из них одна висела в средней комнате над диваном, где случалось сидеть и хозяину. Сперва картина держалась на двух гвоздиках. После один из них выпал — и она повисла боком. Долго ее все видели в этом положении. Что же отвечал Крылов, когда начали его предостерегать, чтобы не досталось голове его от картины? «Ежели действительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положению своему, должна в падении описать кривую линию, и следовательно она мнует мою голову». В 1818 году разговорились однажды у Оленина, как трудно в известные лета начать изучение древних языков. Крылов не был согласен с общим мнением и вызвал Гнедича на заклад, что докажет ему противное. Дело было принято всеми за шутку, о которой и не вспоминал никто. Между тем Крылов, сравнительно с прежним, реже виделся с Гнедичем, давая знать ему при встречах, что пустился снова играть в карты. Через два года, у Оленина же, он приглашает всех присутствующих быть свидетелями экза-

мена, который Гнедич должен произвестъ ему в греческом языке. Раскрывают в Илиаде одно место, другое, третье — и так далее. Крылов все объясняет свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивление, особенно Гнедича, который узнал, что приятель его, без помощи учителя, сам собою, только в течение двух лет, достигнул того, над чем сам Гнедич провел половину жизни своей! Но Крылов не собрался извлечь из этого никакой выгоды ни себе, ни обществу: он удовольствовался только тем, что выиграл заклад у Гнедича и развеселил приятелей своих. Правда, он купил всех греческих классиков и прочел их от доски до доски. На чтение их он употреблял все свои вечера перед сном. Потому-то греческие книги у него уставлены были под кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, как только в постели приходила ему охота к чтению. По окончании экзамена он охладел к греческим классикам и не дотрогивался до них несколько лет. Раз как-то он протянул было под кровать руку за Эзопом — но там уже не осталось никого из греков. Служанка Крылова, заметив, что эти пыльные книги никогда не читаются, и подумав, что, как бесполезные, нарочно и брошены они под кровать, вздумала употреблять их каждый раз на подтопку, когда приходила топить печь в спальне».

Не менее интересен и следующий анекдот о Крылове, сохранный для потомства г. Лобановым.

«Гнедич, переводчик Илиады, ближайший сосед, сослуживец, всedневный собеседник и добрый товарищ его, человек высокой души и светлого ума, удрученный болезнью, оставляя службу и оканчивая литературное свое поприще, удостоился получить 6000 р. пенсии от государя императора. Вдруг Крылов перестал к нему ходить; встречаясь в обществах, не говорил с ним. Изумленный Гнедич, да и все, видевшие эту внезапную в Крылове перемену, не постигали, что это значило. Так прошло около

двух недель. Наконец, образумившись, Крылов, приходит к нему с повинною головою: Николай Иванович, *прости меня.*— В чем, Иван Андреевич? я вижу вашу холодность и не постигаю тому причины.— *Так пожалей же обо мне, почтенный друг: я позавидовал твоей пенсии, и позавидовал твоему счастью, которого ты совершенно достоин. В мою душу ворвалось такое чувство, которым я гнушаюсь.* Пламенный Гнедич кинулся к нему на шею, и в ту же минуту все прошлое забыто»¹.

Любопытное зрелище представляет собою Крылов, с детства мучимый бесом авторства и так долго ищущий настоящей дороги своему таланту! Что-то говорило ему, что у него есть талант, да только неизвестно, к чему именно. И вот он пишет страшно плохие трагедии, в которых является далеко ниже Сумарокова, пишет плохие оперы, плохие комедии, из которых, однакож, две имели в свое время огромный успех. Пишет он в то же время сатирические статьи, которые уже ближе всего другого к его таланту; но и в них он все еще не на своей настоящей дороге, потому что свойственный ему род литературы только тот, в котором он мог быть первым; всякий же другой, в котором он мог играть только второстепенную или третьестепенную роль, не мог быть его родом. И только *тридцати восьми* лет от роду начал писать Крылов басни, и тотчас же убедился, что это его настоящий род, и навсегда оставил свои попытки во всех других родах.

Есть что-то общее, в этом упорном и беспокойном искании своего призвания, между Крыловым и Беранже. Последний очень рано понял, что его род— народная песня; но сколько написал или намерен

¹ За этим следует еще один заимствованный у Дюбанова анекдот, который опускаем. (*Прим. ред.*)

был написать он поэм и драм прежде, нежели напал на свою настоящую дорогу! Но в Беранже все это поныжнее, чем в Крылове: Беранже — натура живая, страстная, подвижная; Крылов — натура тяжелая, сонная, холодная, неповоротливая. И потому-то он как будто для того только нашел и сознал свое назначение, чтобы почти ничего не делать для его выполнения. В продолжение *тридцати* лет написал он всего *сто девяносто семь* басен. Он писал их как будто пехотя, случайно; ему как будто важнее было убедиться в том, что он может писать басни, нежели писать их...

В биографии Крылова, писанной г. Плетневым, читатели найдут полную оценку всех трудов Ивана Андреевича. В этом и состоит главное, существенное отличие биографии Крылова, писанной г. Плетневым, от биографии Крылова, писанной г. Лобановым: последняя интересна только тем, что в ней есть несколько анекдотов, несколько черт жизни Крылова, которых нет в статье г. Плетнева...¹

Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь не согласные между собою в суждениях о русских писателях, о Крылове говорят все одно и то же. Главная заслуга Крылова состоит, конечно, не в правилах мудрости, будто бы преподаанных им человечеству, а в том, что в этом бедном и фальшивом роде поэзии², изобретенном

¹ Далее опускаем выдержку из статьи Плетнева. (*Прим. ред.*)

² Рецидив старого воззрения Белинского на басню, столь убедительно опровергнутого им в предыдущей статье. Противоречие это, повидимому, случайно: критик не приводит здесь никаких доводов в пользу признания басни «фальшивым родом поэзии», которые свидетельствовали

под именем *басни* в XVII и XVIII столетиях, он умел выказать все богатство ясного, простого, положительного практического русского ума. Другими словами: высочайшее достоинство басен Крылова заключается в том, что они, и по содержанию, и по изложению, и по языку, в высшей степени русские басни. Даже и в переводах и в подражаниях Крылов умел остаться русским. Как истинно гениальный человек, он, подобно другим, не ограничился в басне баснею, но придал ей жгучий характер сатиры и памфлета.

Следующие слова биографа Крылова много говорят об особенном свойстве его басен, и мы ими заключим нашу статью:

«Легкость, с которою мы успокоиваемся на первой удаче, обнаруживает в нас какое-то равнодушие к земным благам, но вместе и хладнокровие к общественным интересам. Так как природа отличила Крылова самыми резкими чертами национальности, то и игра их в его образе поражает нас более, нежели в ком-нибудь другом. Между тем, как писатель, он прямо русской своей природе был обязан тем превосходством в постижении духа нашей жизни и нашего языка, которое в этом отношении поставило его у нас на первом плане. Никого из наших писателей нельзя поставить на одной с ним линии. Он придумывал рассказы столь естественные, столь простые и каждому понятные, столь несомненные и очевидные, столь согласные с нашей жизнью, обыкновениями и привычками, что в их составе не оставалось и тени искусства, сочинения, или приготовления. Видишь, чувствуешь, как дело начинается и происходит. На мысль не при-

бы о пересмотре обоснованного им в статье 1845 г. взгляда, тесно связанного со всей эволюцией его эстетической концепции. (Прим. ред.)

дет, что сочинитель повторяет старинную басню, известную уже всем народам, и прикрывает ею общую истину. Рассказываемый им случай, повидимому, только и мог подобным образом произойти у нас. Он проникнут духом нашей жизни и речи».

ИЗ РАЗНЫХ СТАТЕЙ

Крылов возвел у нас басню до *pes plus ultra*¹ совершенства. Нужно ли доказывать, что это — гениальный поэт русский, что он неизмеримо возвышается над всеми своими соперниками? Кажется, в этом никто не сомневается. Замечу только, впрочем не я первый, что басня оттого имела на Руси такой чрезвычайный успех, что родилась не случайно, а вследствие нашего народного духа, который страх как любит побасенки и применения. Вот самое убедительнейшее доказательство того, что литература непременно должна быть народной, если хочет быть прочною и вечною! Вспомните, сколько было у иностранцев неудачных попыток перевести *Крылова*. Следовательно, те жестоко ошибаются, которые думают, что только рабским подражанием иностранцам можно обратить на себя их внимание...

* * *

В прошедшей статье я обозрел *карамзинский* период нашей словесности, период, продолжавшийся целую четверть столетия. Целый период словесности,

¹ До высшей степени. (*Прим. ред.*)

целая четверть века ознаменованы влиянием одного таланта, одного человека, а ведь четверть века много, слишком много значит для такой литературы, которая не дожидаясь еще пяти лет до своего второго столетия¹. И что же произвел великого и прочного этот период? Где теперь гении, которыми он, бывало, так красовался и величался? Изю всех них один только велик и бессмертен без всяких отношений, и этот один не заплатил дани Карамзину, который брал свою обычную дань даже и с таких людей, кои были выше его и по таланту, и по образованию; говорю о Крылове...

* * *

Мне кажется, что это стремление к народности произошло оттого, что все живо почувствовали непрочность нашей подражательной литературы и захотели создать народную, как прежде силились создать подражательную. И так, опять цель, опять усилия, опять старая погудка на новый лад? Но разве *Крылов* потому народен в высочайшей степени, что старался быть народным? Нет; он об этом нимало не думал, он был народен потому, что не мог не быть народным и был народен бессознательно, и едва ли знал цену этой народности, которую усвоил созданиям своим без всякого труда и усилия. По крайней мере, его современники мало умели ценить в нем это достоинство: они часто упрекали его за *низкую природу* и ставили на одну с ним доску прочих баснописцев, которые были несравненно ниже его.

1834

«Литературные мечтания»

¹ Белинский полагал, что «литература наша... началась в 1739 году, когда Ломоносов прислал из-за границы свою первую оду, «На взятие Хотина». (Прим. ред.)

С постепенным образованием в России низших и средних классов народа, число читателей Крылова будет беспрестанно умножаться, и придет время, когда они сделаются ходячею философиею народа, в полном смысле этого слова, когда они будут издаваться десятками тысяч экземпляров; они, а вместе с ними и слава Крылова, погаснут только с жизнью народа...

1835

«О жизни и произведениях Сира Вальтера Скотта»

Возьмите Крылова: оставляя покуда в стороне вопрос о басне, как художественном произведении, и смотря на него самого даже не как на поэта, а как на краснобая, не видите ли вы в нем чистейшей народности, без всякой примеси тривиальности; не доказывается ли его народность и живым сочувствием к нему народа русского, и его непереводаемостью ни на какой язык в мире?..

1836

«Ничто о Ничем»

Да, народ знает и любит Крылова, так же как Крылов знает и любит народ...

1836

«Басни Крылова»

Всякий человек, выражающий в искусстве жизнь народа или какую-нибудь из ее сторон, всякий такой человек есть явление великое, потому что он своею жизнью выражает жизнь миллионов. Крылов принадлежит к числу таких людей. Он баснописец,— но это

еще не важно; он поэт, но и это еще не дает патента на великость; он баснописец и поэт народный — вот в чем его великость, вот за что издания его басен, еще при его жизни, зашли за 30 000 экземпляров, и вот за что, со временем, каждое из многочисленных изданий его басен будет состоять из десятков тысяч экземпляров. В этом же самом заключается и причина того, что все другие баснописцы, пользовавшиеся не меньшею Крылова известностию, теперь забыты, а некоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского¹. Кто хочет изучить язык русский вполне, тот должен познакомиться с Крыловым. Сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении. Эти идиомы, эти руссизмы, составляющие народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, уловлены Крыловым с невыравнимою верною.

1838

«Литературная хроника»

Но что же можно читать детям? Из сочинений, писанных для всех возрастов, давайте им «Басни» Крылова, в которых даже практические, житейские мысли облечены в такие пленительные поэтические образы, и все так резко запечатлено печатью русского ума и русского духа...

1840

«Детские сказки дедушки Ириней»

¹ Строки эти дословно, а следующие за ними в иной редакции, повторены в рецензии на собрание басен Крылова, изд. в 1840 г., см. стр. 15 и 16. (Прим. ред.)

Скажите, в каком отношении между собою находятся эти поэты — Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков. Докажите, что Жуковский непременно должен был явиться после Карамзина, а не прежде — Озеров и Батюшков не прежде их обоих!.. Нет, каждый из них действовал сам по себе и от себя, независимо от прошедшего, не спрашиваясь у настоящего. Это герои — великие или замечательные личности; но в их лице незаметно исторических судеб народа: герои сами по себе, народ сам по себе. Только один из них требует исключения: это — Крылов, и он всего лучше доказывает верность нашего взгляда на этот предмет. Его басни вышли из народного русского ума, из русского рассудочного созерцания жизни. Зато в лице Крылова басня русская достигла своего высшего развития, — и народ знает Крылова: ведь кто-нибудь да раскупил же сорок тысяч экземпляров его басен!..

Каких-нибудь сто лет едва прошло с того времени, как мы не знали еще грамоты, — и вот уже мы по справедливости гордимся могущественными проявлениями необъятной силы народного духа в отдельных лицах, каковы: Ломоносов, Державин, Фонвизин, Карамзин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Грибоедов и другие...

1841

«Русская литература в 1840 году»

К эпической поэзии принадлежат *аполог* и *басня*, в которых опоэтизируется проза жизни и практическая, обиходная мудрость житейская. Этот род поэзии достиг высшего своего развития только в двух новейших литературах — французской и русской.

В первой представитель басни есть Лафонтен; наша литература имеет несколько талантливых баснописцев, а в Крылове истинно гениального творца народных басен, в которых выразилась вся полнота практического ума, смысленности, повидимому простодушной, но язвительной насмешки русского народа...

1841

«Разделение поэзии на роды и виды»

...Б.— Я вам упомянул бы о Крылове; но ведь вы и его читали...

А.— И никогда не перестану читать. Собрание его басен есть капитальная книга русской литературы. Это наш единственный баснописец; по крайней мере, других я не знаю, да и знать не хочу, что бы мне ни говорили о Хемницере и Дмитриеве... Достоинство басен Крылова безусловно и не зависит ни от времени, ни от моды. Число читателей на Руси прогрессивно умножается и будет умножаться год от году, в бесконечность. Место, которое он должен занимать между другими нашими поэтами, должно быть определено вопросом: какое место занимает басня в кругу прочих родов поэзии? Решение этого вопроса очень не трудно в наше время...

* * *

...Крылов, гениальный писатель национальных басен — этой поэзии здравого рассудка...

1842

«Русская литература в 1841 году»

...Мы гордимся именами (конечно, еще немногими) национальных и самостоятельных поэтов — Крылова, Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова...

Русская поэзия сперва проблеснула в баснях Крылова, которых форма была заимствованная и подражательная, но в которых, несмотря на то, русский язык и русский практический ум нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно.

1842

«Речь о критике»

Крылов продолжал создание народной басни...

1842

«Стихотворения Евгения Баратынского»

Явление Крылова, Карамзина, Дмитриева, потом Озерова и, наконец, Жуковского и Батюшкова показало, что в обществе уже созрели новые элементы для поэзии, и что, по мере полноты этих элементов, являлись и певцы разнообразные, а не поющие, как прежде, все на один голос...

1843

«Сочинения Державина»

Крылов писал комедии весьма замечательные по остроумию; но слава его, как баснописца, не могла не затмить его славы, как комика. Крылов далеко оставил за собою и Хемницера и Дмитриева и достиг в басне возможного совершенства. Басни Крылова — сокровищница русского практического смысла, русского остроумия и юмора, русского разговорного языка; они отличаются и простодушием и народностью. Крылов вполне народный писатель, и теперь

уже воспитатель не менее тридцати поколений. Знаюки говорят, что архитектура во вкусе рококо — ложная архитектура; положим так, но Растрелли тем не менее великий художник. Чем бы ни была басня, но Лафонтен и Крылов по справедливости составляют славу и гордость своих отечественных литератур...

1843

*«Сочинения Александра Пушкина»
(статья первая)*

К этому¹ периоду принадлежит Крылов, который один мог бы быть представителем целого периода литературы. Он создал национальную русскую басню, и тем *первый* внес в литературу русскую элемент народности. Но как в басне великий русский баснописец имел образцом великого французского баснописца, — как в ней он был как бы продолжателем дела, начатого Хемницером и продолженного Дмитриевым, и как, сверх того, род его поэзии не был таким родом, через который можно было стать во главе литературной эпохи, — то Крылов по справедливости может считаться одним из блистательнейших деятелей карамзинского периода, в то же время оставаясь самобытным творцом нового элемента русской поэзии — народности...

1843

*«Сочинения Александра Пушкина»
(статья вторая)*

* * *

Басни Хемницера и Дмитриева относятся к басням Крылова, как просто талантливые произведения относятся к гениальным произведениям, но тем не менее

¹ Карамзинскому. (Прим. ред.)

Крылов много обязан Хемницеру и Дмитриеву. Так и Грибоедов: он не учился у Крылова, не подражал ему; он только воспользовался его завоеванием, чтоб самому идти дальше своим собственным путем. Не будь Крылова в русской литературе — стих Грибоедова не был бы так свободно, так вольно, развязно оригинален, словом, не шагнул бы так страшно далеко...

1844

*«Сочинения Александра Пушкина»
(статья восьмая)*

К числу заслуг новой критики принадлежит еще то, что она уничтожила смелую предвзятость, основанную на кумовстве и безвкусице, — предвзятость, вследствие которого басни Дмитриева считались выше басен Крылова, — тогда как здравый смысл и чистый вкус запрещали какое-нибудь сравнение между талантливыми баснями Дмитриева и гениальными баснями Крылова...

1845

«Русская литература в 1844 году»

...Благодаря, может быть, заслуге одной только литературы у нас зло не смело называться добром, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамеренностью, как это всегда водилось и теперь водится, например, в Китае. И могло ли это быть у нас иначе, если сатирическое направление со времен Кантемира сделалось живою струею всей русской литературы? Не говоря уже о Фонвизине, которого превосходный талант был по преимуществу сатириче-

ский,— сам Державин, который, по духу своего времени, риторическую превыспренность считал за одно с поэзией,— заплатил большую дань сатире. И еще далеко не успел блестящий лирик века Екатерины допеть своих громкозвучных од, как явился на Руси национальный баснописец — Крылов.

1845

«Кантемир»

О Крылове не говорим: все мы, раз заучив его в детстве, уже никогда не забываем...

* * *

...Как бы ни тесна и ни ограничена была сфера таланта, но если на его произведениях виден тот резкий отпечаток личности, который делает произведения так оригинальными, что под них невозможно подделаться,— тогда это уже не талант, а гений. К числу таких гениальных поэтов принадлежит в нашей литературе баснописец Крылов.

1846

«Мысли и заметки о русской литературе»

Русские звуки поэзии Кольцова должны породить много новых мотивов национальной русской музыки. И придет время, когда песни Кольцова пройдут в народ и будут петься на всем пространстве беспредельной Руси,— как некогда пройдут в народ и будут заучены им наизусть басни Крылова...

1846

«О жизни и сочинениях Кольцова»

Баснописец Крылов, предшествуемый Хемницером и Дмитриевым, так сказать, приготовил язык и стих для бессмертной комедии Грибоедова. Стало быть, в нашей литературе всюду живая историческая связь, новое выходит из старого, последующее объясняется предыдущим, и ничто не является случайно.

* * *

Поэзия Крылова — поэзия здравого смысла, житейской мудрости, и для нее скорее, чем для всякой другой поэзии, можно было найти готовое содержание в русской жизни. Притом же, самые лучшие, следовательно, самые народные басни свои Крылов написал уже в эпоху деятельности Пушкина, и следовательно, нового движения, которое последний дал русской поэзии.

1847

*«Взгляд на русскую литературу
в 1846 году»*

В баснях Крылова сатира делается вполне художественною, натурализм становится отличительною характеристическою чертою его поэзии. Это был первый великий натуралист в нашей поэзии. Зато он первый и подвергся упрекам за изображения «низкой природы», особенно за басню «Свинья». Посмотрите, как натуральны его животные: это настоящие люди, с резко очерченными характерами, и притом люди русские, а не другие какие-нибудь. А его басни, в которых действующие лица — русские мужички? Не есть ли это верх натуральности? И однакож теперь уже не упрекают Крылова ни за свинью, которая, «не жалея рыла, весь задний двор ~~изрыла~~», ни за то, что, в своих

баснях, он выводил мужиков, да еще заставлял их говорить самым мужицким складом. Скажут: то басня, то такой уж род поэзии. А разве законы изящного не одинаковы для всех его родов?

1848

*«Взгляд на русскую литературу
в 1847 году»*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Лаврецкий</i> . Крылов в оценке Белинского	3
Статьи о Крылове	9
Из разных статей	59

Редактор А. Лаврецкий

Подписано к печати 5/XI 1944 г.
А-7945. 1¹/₄ печ. л. Тираж 50 000 экз. Зяк. 2894
6-я типогр. треста „Полиграфкнига“ Огиза
при СНК РСФСР. Москва, 1-й Самотечный, 17.

1 руб.

711

711

5